нии Сумарокова, но затем переходит к вопросам принципиальным; Эмин говорит, приводя цитату из Сумарокова (нигде не названного): «В другом месте на стр. 19 и 20 сей автор пишет следующее: Разгораются искры в сердцах войска противу отца и сынов отечества, забывает сие пагубное войско бога, государя, честь и отечество и принадлежащее скипетру право, отторгая от престола отдается оружию и своевольству. Вот, — продолжает он, — какова была чернь ко стыду нашему. Римская чернь противу Рима никогда ни бунтовала, а московская противу Москвы вооружилася, чего однако ж дворяне никогда не делали. — Не часто же сей автор читывал римскую историю. А кто ее читал, тот знает, что подобных сему бунту у римлян было множество. Оных я именно для того здесь не упоминаю, что надобно бы по малой мере оными заполнить целый том;... итак просвещенный разум им в том случае завидовать никакой не имеет причины. По моему мнению гнусная вина каждое злоумышление; но еще хуже того оному злоумышлению давать имена, добродетели приличные, потому что, будучи украшено таким названием, многим может послужить в пример.[1] Если Рим издревле имел своих героев, то и Россия оными довольно была изобильна, из которых многие поныне свету были неизвестны для того, что не было прежде в ней ласкательствующих стихотворческих пер, которые ища своей пользы, часто и разбойников в героев претворяют. Но когда мы наконец имели Петра Великого и ныне зрим на троне Августа, Траянов дух имеющего, то не имеем причин завидовать римлянам и себя унижать. Мне то больше всего удивительно, что автор сего сочинения, стыдясь тогдашних бунтов, утверждает, что сего дворяне никогда не делали. Изрядное ж он и о российской истории имеет понятие. А разве Милославский, знатный тогда боярин, его помощники Толстые, Сумбулов, Озеров и прочие, о которых сей автор пишет, что были начинщики сего стрелецкого заговора, не были дворяне? Он же сам в своем сочинении таким достоинством их чтит. Если бы я не опасался утратить великой его ко мне любви, то сказать бы мог, что в сем описании больше видно ненависти к отечеству и пристрастия к дворянству, нежели исторического согласия; но надеясь оныя продолжения, и того, что и он, приметя мои ошибки, меня об оных уведомит (чего я очень желаю), окончу мое примечание, которое я сделал, последовав его совету, мною на стр. 84 его сочинения найденному и от строк 8 до 21 продолжающемуся». В книжке Сумарокова всего 50 страниц, так что 84-й страницы в ней нет; но несомненно, что в цифре у Эмина — опечатка, и надо читать ее — 48; здесь, действительно, от 8 до 21 строки занимает подходящее место: «во всякой истории надлежит писать истину; дабы человек научился от худа отвращаться и к добру прилепляться. Историк не праведно хулы и хвалы своему

[1] *Повидимому, Эмин имеет здесь в виду выражение Сумарокова «Разгораются искры»; или же — скорее фразу «чего однакож дворяне никогда не делали»; см. ниже. Гр. Г.*